

АГИЛЬКА

Сказка о друге,
которого не видят взрослые

Мелания Вяземская

Мелания Вяземская

Агилька

<https://litres.ru/74322348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказка о друге, которого не видят взрослые.

Пашу - необычный мальчик. Он слышит то, чего не слышат другие: дрожь в мамином голосе, фальшь в словах, стук колёс, который шепчет загадочное «семь». Взрослые называют его «слишком чувствительным» и советуют «не брать в голову».

Но однажды ночью из старой картонной коробки в его комнате появляется Агилька - маленькое бархатное существо с другой планеты. Радужное, тёплое, невидимое для чужих глаз. У него нет лица, но он умеет хранить самые тёплые воспоминания. Вместе с Агилькой Пашу учится не бояться своих чувств, противостоять цифровому монстру Скроллу и верить в чудо без доказательств.

Эта история - для тех, кто чувствует слишком много. И для тех, кто боится, что его «не такой» ребёнок не найдёт своего места в мире. Агилька напоминает: сверхчувствительность — это не слабость. Это суперсила. А настоящая дружба не уходит. Она просто переходит на другую частоту.

Для детей, которые видят мир иначе, и для родителей, которые хотят их понять.

Содержание

От автора.	4
Часть 1. Глава 1. Электричка, которая пришла вовремя (но кое-что опоздало)	6
Глава 2. Правило бетона и мха	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мелания Вяземская

Агилька

От автора.

Пашу и Агилька

Сказка для сверхчувствительных детей и их родителей, которые забыли, как гладить бархат.

Эта сказка для тех, кто уже вырос, но ещё не забыл.

Эта книга родилась из одного вопроса, который задал мне четырёхлетний сын.

Он сказал: «Мама, а почему ты иногда пахнешь грустью?»

Я не знала, что грусть имеет запах. Но он знал.

Он всегда знал то, чего не знают другие. Его называли «слишком чувствительным», «капризным», «замкнутым». Воспитательница в садике советовала «не баловать». Взрослые на детской площадке говорили: «Интересно, что у него в голове, куда и зачем он пошел, что он там видит...».

Он был таким. И это было его суперсилой.

Паша, Пашу, Татася, Павло, Павел Андреевич, Пашуличка, Пашулиля (так зовут этого мальчика) - мой сын. И эта книга посвящается в первую очередь - ему.

Но не только.

Эта книга - каждому ребёнку, который слышит то, чего не слышат другие. Который чувствует фальшь за три комнаты. Который плачет, когда на него кричат не потому, что он слабый, а потому, что он чувствует чужую боль как свою. Потому что он знает: люди кричат, когда им страшно, а не потому, что, он плохой.

Эта книга - каждому взрослому, который когда-то был таким ребёнком, а потом заставил себя «зарасти бетоном», потому что иначе было слишком больно. Я знаю, ты там, внутри. Ты просто забыл, как гладить бархат. Но я напому.

И наконец, эта книга - тем, кто когда-нибудь смотрел на звёзды и думал: «Я не отсюда».

Ты прав. Ты не отсюда.

Прилетай. Мы тебя уже ждали.

Мама Паши, она же временный житель планеты Земля, она же та, кто помнит Силему.

Часть 1. Глава 1. Электричка, которая пришла вовремя (но кое-что опоздало)

Пашу терпеть не мог, когда поезда опаздывали.

Он вообще терпеть не мог, когда что-то шло не по расписанию. В свои четыре с половиной (четыре и семь месяцев, если быть точным, а он всегда был точным) Пашу уже знал, что мир взрослых - это, по сути, огромная железная дорога с кучей стрелок, семафоров и диспетчерских. Есть рельсы - по ним катятся вагоны. Есть правила - по ним катятся люди. Если все соблюдают правила, ничего страшного не случается. Если кто-то выезжает на красный - случается катастрофа.

Поэтому Пашу соблюдал правила. Он складывал конструктор в коробку по цветам. Он чистил зубы ровно две минуты (песочные часы стояли на раковине). Он ни разу не перебивал маму, даже когда она говорила по телефону с подругой и смеялась каким-то странным, не своим смехом.

Особенно он любил игрушечную железную дорогу. Не потому, что поезда красивые (хотя они были красивые: синий локомотив с красными колёсами, вагон-цистерна, вагон-платформа с брёвнами). А потому, что поезда всегда ехали по рельсам. Никаких сюрпризов. Положил рельсы -

поехали. Замкнул круг - приехали обратно.

Вот если бы вся жизнь была такой.

Но жизнь, как назло, рельсы класть отказывалась.

- Пашу, завтрак, - крикнула мама из кухни.

Пашу посмотрел на часы. 8:00. Он встал в 7:30. Умылся (проверил: уши чистые). Оделся (футболку заправил в штаны). В 7:45 сел за стол и начал ждать. Потому что завтрак по расписанию - в 8:00.

Он сидел и смотрел на секундную стрелку.

Тик. Тик. Тик.

8:00 ровно.

- Мама, завтрак в 8:00, - сказал Пашу. Не капризно. Просто констатировал факт.

Мама выглянула из кухни. У неё были красные глаза. Не как у кролика, а как у человека, который долго не спал и много думал.

- Да-да, сейчас, - сказала она и вернулась на кухню.

Пашу ждал. Минута. Две. Три.

В 8:04 мама поставила перед ним тарелку с кашей.

- Извини, задержалась.

Пашу посмотрел на тарелку. Каша была правильной консистенции. Гречка. Не сухая, но и не переваренная. Но мамы глаза были неправильные.

- Ты плакала? - спросил Пашу.

- Что? Нет, с чего ты взял?

- У тебя красные глаза и голос ниже на полтона. Ты плакала после того, как я лёг спать.

Мама замерла с ложкой в руке.

- Пашу, ты... откуда ты это знаешь?

Пашу пожал плечами. Он не знал, откуда. Просто знал. Как знал, что, если поезд въезжает в тоннель, он обязательно выедет с другой стороны. Только выедет ли мама? Она иногда уходила в свою комнату, закрывала дверь и выходила оттуда с красными глазами. Пашу в такие моменты старался быть очень тихим. Он садился на пол в коридоре и собирал конструктор. Не потому, что хотел собирать конструктор. А потому, что, если он будет тихим и правильным, мама, может быть, выйдет и скажет: «Всё в порядке, Пашуль, я просто устала». И это будет неправда, но он сделает вид, что поверил.

Потому что у мамы тоже были свои рельсы. Просто иногда на них попадали камни.

- Ешь, - мягко сказала мама. - Гречка остынет.

Пашу ел. Гречка была правильной температуры. 38,5 градуса. Он проверил тыльной стороной ложки. Всё по расписанию.

Кроме маминых глаз.

Кроме папы, который жил в телефоне.

Папа ушёл, когда Паше было два года. Не совсем ушёл - он звонил по видеосвязи каждую среду и воскресенье. В 19:00. Ровно. Папа был очень пунктуальным, за это Пашу его ува-

жал. Но папа жил в экране. Иногда Пашу пробовал дотронуться до папиного лица на планшете, но палец упирался в холодное стекло, а папа на том конце говорил: «Сынок, ты слушаешь?»»

Пашу слушал. Он всегда слушал.

Он слушал маму, когда она говорила «всё хорошо». Он слушал папу, когда тот говорил «я скоро приеду» (папа говорил это уже два года, и «скоро» всё не наступало). Он слушал воспитательницу в садике, когда она говорила: «Пашу, будь как все».

Именно фразу «будь как все» Пашу ненавидел больше всего.

Потому что он не был как все.

Он слышал то, чего другие не слышали. Например, как дрожит голос мамы, когда она разговаривает с бабушкой о папе. Как скрипит дверь в садике за полминуты до того, как в группу войдёт заведующая (он выиграл на этом три спора с Димкой, который не верил). Как урчит в животе у кота Мурзика, когда тот хочет есть, ещё до того, как кот начинает мяукать.

Воспитательница говорила: «Паша, ты слишком впечатлительный».

А мама однажды шепнула ему перед сном: «Ты просто сверхчувствительный. Это не болезнь. Это... это как иметь дополнительный орган. Который видит то, чего нет».

Пашу тогда спросил: «А у тебя есть такой орган?»

Мама помолчала. Потом улыбнулась той улыбкой, которой улыбаются, когда хотят заплакать, но сдерживаются.

- Когда-то был. Потом зарос.

Пашу не понял, как орган может зарости. Но не стал спрашивать. Иногда лучше не знать. Иногда лучше просто сидеть и смотреть, как синий локомотив с красными колёсами едет по кругу. Туда-сюда. Туда-сюда.

В тот вечер всё было как обычно.

Пашу поужинал (в 18:30, как положено). Посмотрел мультик (ровно 15 минут, песочные часы перевернул сам). Почистил зубы (две минуты, без напоминаний). В 19:55 лёг в кровать.

Мама поцеловала его в лоб. Поцелуй был тёплый, но торопливый. Как будто она уже уходила в свою комнату - красные глаза, закрытая дверь, тишина.

- Спокойной ночи, мой поезд.

- Спокойной ночи, мама. Ты придёшь, если я позову?

- Всегда.

Это было правило. Пашу проверял его каждый вечер. Мама всегда приходила. Даже если у неё были красные глаза. Даже если она злилась. Она приходила. Это была единственная вещь в мире, которая никогда не опаздывала.

Он закрыл глаза.

Но сон не пришёл.

Что-то было не так.

Пашу открыл глаза. В комнате было темно, но не совсем.

Уличный фонарь за окном рисовал на потолке жёлтые полосы - как рельсы. Только рельсы были кривые.

И потом он услышал.

Звук.

Тихий. Очень тихий. Такой, какой бывает, если провести пальцем по бархату. Против шерсти. И если прислушаться - там, внутри этого звука, есть ещё один звук. Как будто где-то далеко-далеко работал огромный трансформатор. Или дышало море. Или...

Пашу сел на кровати.

Шкаф.

Звук шёл из шкафа.

Не из того шкафа, где висела одежда. Из старого, обувного. Из картонной коробки, в которой лежали вещи, которые «жалко выбросить, но и носить некому». Пашу сто раз видел эту коробку. В ней были мамины старые туфли на шпильке (она больше не носила каблуки, потому что «куда я в них пойду»), папин галстук, оставшийся после ухода (полосатый, ужасный), и какие-то провода, ни к чему не подходившие.

Коробка шевелилась.

Пашу замер. Он знал, что надо позвать маму. Он знал, что надо накрыться одеялом с головой и ждать утра. Он знал все правила безопасности для маленьких мальчиков, живущих в квартирах на восьмом этаже.

Но вместо этого он встал.

Босиком. Пол был холодный, но Пашу не обратил внима-

ния. Он подошёл к шкафу. Открыл дверцу. Выдвинул коробку.

Крышка коробки была закрыта. Но не до конца. Из щели пробивался свет.

Не жёлтый, как от фонаря. Не белый, как от лампы. А... радужный. Но не резкий, каким бывает радуга после дождя. А мягкий, как будто кто-то взял акварель и развёл её большим количеством воды. Переливающийся. Живой.

Пашу открыл коробку.

Внутри, на папином полосатом галстуке, лежало...

Он не знал, что это.

Не игрушка. Не камень. Не животное. Это было тёплое, бархатное, переливающееся... нечто. Формой - как неправильный шар, который кто-то приплюснул сверху и снизу. Размером - с папин кулак. Цветом - сразу всеми цветами, которые Пашу знал, и ещё тремя, которых не знал. И на ощупь...

Он протянул руку. Коснулся.

Бархат. Тёплый бархат, который дышал. И под пальцами - слабая вибрация, как будто внутри работал маленький моторчик.

- Ты кто? - шёпотом спросил Пашу.

Бархатный комочек не ответил. Но его цвет изменился. Был радужный - стал тепло-золотым. Как лампочка в детской комнате, когда за окном уже совсем темно, а мама ещё не выключила свет.

- Ты меня боишься? - снова спросил Пашу.

Комок чуть приподнялся. Легонько ткнулся в ладонь Паши. Как кот, который просит, чтобы его погладили, но не мяукает, потому что гордый.

Пашу погладил.

По бархату. Сначала по шерсти - мягко, тепло. Потом против шерсти - по рукам побежали искры. Настоящие, маленькие, радужные искры, как от новогодней хлопушки, только без звука.

Комок засветился ярче. И Паше вдруг стало... спокойно.

Не то чтобы он до этого нервничал. Но сейчас он почувствовал, как из плеч уходит тяжесть, которую он даже не замечал. Как будто он всё время нёс рюкзак с камнями, а теперь рюкзак сняли. И дышать стало легче.

- Странный ты, - сказал Пашу комку.

Комок вильнул. (У него не было ни рук, ни ног, но он вильнул всем телом, как собака, которая хочет играть.)

- А я Пашу, - представился мальчик. - А ты? У тебя есть имя?

Комок потемнел. Стал сиреневым. Грустным.

- Ты не знаешь, как тебя зовут?

Сиреневое стало ещё сиреневее.

- Ладно, - решил Пашу. - Придумаем потом. Сейчас главное - тебя никто не должен увидеть. Мама испугается. Она и так... красные глаза.

Он оглянулся. Дверь в комнату была закрыта. Мама не

слышала. Мама, наверное, сидела на кухне и смотрела на звезды. Она иногда так делала.

Пашу аккуратно взял комок в ладони. Тот был лёгкий. Как облако. Как сон, который не успел присниться.

- Ты будешь жить в шкафу, - сказал Пашу. - В моём шкафу. Не в обувной коробке, а нормальном. Я положу тебе... - он задумался. - Мягкую тряпку. И пульт от телевизора, который всё равно сломан. Любишь пульты?

Комок одобрительно замерцал. Жёлто-оранжевым. Цветом апельсина.

- Договорились, - кивнул Пашу. - Только чур, ничего не трогать без спроса. И не шуметь. Мама спит чутко. Она слышит, как я встаю попить, даже если я иду на цыпочках.

Комок понимающе вильнул.

Пашу положил его на полку в шкафу, на старую футболку (синюю, с динозавром, мала уже). Накрыл сверху носком (чистым, не волнуйтесь). Закрыл дверцу.

- Спокойной ночи, - сказал он.

Из-за дверцы донеслось тихое-тихое: «фрррр». Как будто кто-то маленький завёл моторчик.

Пашу лёг в кровать.

Минуту лежал, глядя в потолок. Жёлтые рельсы от фонаря. Кривые. Но почему-то сегодня они ему не мешали.

- Завтра разберёмся, - прошептал он. - Составлю план.

Он перевернулся на бок и уснул ровно через сорок три секунды. Для него это был рекорд.

Мама заглянула в комнату через десять минут. Пашу спал. Во сне он улыбался. Мама не видела этой улыбки уже две недели.

Она присела на край кровати. Хотела поправить одеяло. Но замерла.

На подушке, рядом с Пашиной щекой, лежала маленькая бархатная пылинка. Радужная. Не такая, какие бывают от старых вещей. А живая. Мерцающая.

Мама взяла пылинку на палец. Посмотрела.

- Не может быть, - прошептала она.

Голос у неё дрожал. Но не от страха.

От воспоминания, которое нельзя было забыть, даже если очень стараться.

Она быстро сдула пылинку с пальца. Та улетела в темноту. А мама встала, вышла из комнаты и закрыла дверь.

А потом долго стояла у окна на кухне. Смотрела на звёзды.

На Силему.

Которую никто на Земле не знал.

Кроме неё.

Глава 2. Правило бетона и мха

Утром Пашу проснулся на три минуты раньше будильника.

Такого никогда не случалось. Пашу всегда просыпался от будильника. Ровно в 7:30. Потому что будильник - это правило, а правила нужно соблюдать.

Но сегодня он открыл глаза в 7:27. И сразу вспомнил. Шкаф. Комок. Бархат.

Пашу сел на кровати. Сердце стучало быстрее, чем обычно, но не от страха. От того странного чувства, когда знаешь, что сегодня случится что-то, чего нет в расписании. Как если бы поезд вдруг поехал по новым рельсам, которых вчера ещё не было.

Он тихо, на цыпочках (хотя мама ещё спала, она всегда спала до 8:00 в выходные, но сегодня было воскресенье, а воскресенье - это особый день, папа звонил в 19:00) подошёл к шкафу. Открыл дверцу.

На полке, на синей футболке с динозавром, лежал комок. Тот самый. Радужный, бархатный, тёплый. Он чуть мерцал, как будто дышал.

- Ты здесь, - тихо сказал Пашу.

Комок приподнялся. Перелился золотым. «Конечно, я здесь, ты же меня положил», - говорило его мерцание.

- Я придумал, - сказал Пашу. - Я буду тебя изучать. По науке. Сначала - внешний осмотр.

Он достал из ящика стола лупу. Обычную, не волшебную. Пашу любил лупу. С ней он чувствовал себя учёным, как дяденька из передачи про поезда, который рассказывал про устройство тепловоза.

Он поднёс лупу к комку.

Бархат. Обычный бархат. Но если смотреть через лупу - там, внутри, двигались маленькие радужные точки. Как микробы, только красивые. Они кружились, сталкивались, разлетались.

- У тебя нет ни глаз, ни рта, - констатировал Пашу. - Как ты меня видишь?

Комок подпрыгнул. Легонько. И прилип к Пашиной ладони.

- Ты... чувствуешь меня? - догадался Пашу. - Как щупальцами?

Комок одобрительно замерцал. Зелёным. Цветом свежей травы.

- А как ты ешь? У тебя нет рта.

Комок на секунду задумался. Потом перекатился на Пашину тарелку (Пашу взял с собой завтрак - сухую печенку, про запас). Коснулся печенья. Печенье... не изменилось. Но комок стал чуть теплее.

- Ты ешь не печенье, - понял Пашу. - Ты ешь... моё желание дать тебе печенье? Это сложно.

Комок довольно вильнул. «Для тебя - сложно. Для меня - обычно», - говорило его сиренево-жёлтое мерцание.

- Ладно. Второй пункт плана: проверить, видят ли тебя другие.

Пашу взял комок в ладони (он был лёгкий, как облако, и тёплый, как грелка) и пошёл на кухню.

Мама сидела за столом. Пить кофе. Чёрный, без сахара. Она пила чёрный кофе по утрам, потому что «не до сладостей». Пашу считал, что с сахаром вкуснее, но маму не переубедить.

- Мама, посмотри, что я нашёл, - сказал Пашу и протянул раскрытые ладони.

На ладонях лежал радужный комок. Мама посмотрела. Прямо на него.

- Что это? - спросила она.

- Это... - Пашу хотел сказать «существо с другой планеты», но передумал. - Это мой новый друг.

Мама наклонилась. Посмотрела ещё внимательнее. Пашу видел, как её глаза скользят по комку... и не останавливаются. Как будто она смотрит сквозь.

- Камушек? - спросила она. - Станный камушек. Бархатный на ощупь?

- Да! - обрадовался Пашу. - Ты его видишь?

- Вижу, конечно. Но ты не тащи в дом всякие... - она замялась, подбирая слово, - непонятности. Положи на место.

Пашу замер.

Она видела. Но не видела. Она смотрела на радужный комок, а видела камушек. Как будто её глаза натыкались на бархатную радугу и переводили её в понятное: «камень», «тряпка», «мусор».

- Мама, это не камушек, - тихо сказал Пашу. - Он живой.

- Конечно, живой, - рассеянно ответила мама, допивая кофе. - Все твои игрушки живые. Ты у меня выдумщик.

Она встала, поцеловала Пашу в макушку и ушла в свою комнату. Дверь закрылась.

Радужный комок потемнел. Стал серым. Почти чёрным.

- Не расстраивайся, - прошептал Пашу. - Она не специально. У неё... бетон.

Он сам не знал, откуда взялось это слово. Но оно точно описывало то, что случилось. Глаза мамы - они были как дорога, которую залили бетоном. Асфальт. Гладко, ровно, ничего не пробивается. Даже радужный бархат.

- Пойдём, проверим ещё кого-нибудь, - решил Пашу.

Он сунул комок в карман куртки. Карман был тёплый, и радужный комок снова замерцал - слабо, но уже не чёрным, а фиолетовым. Цветом надежды.

На улице было воскресенье. Дети гуляли во дворе. Димка из соседнего подъезда гонял мяч. Ленка качалась на качелях. Взрослые сидели на лавочках и смотрели в телефоны.

Пашу ни к кому не подошёл. Он знал, что будет. Димка скажет: «Что это? Тряпка какая-то?» Ленка скажет: «Фу, противный». Взрослые даже не посмотрят.

Но он подошёл к бабушке на лавочке.

Дед сидел отдельно ото всех. В старой куртке, с палкой. Он всегда сидел один. Дети его боялись, потому что у него был шрам на щеке, и он никогда не улыбался. Взрослые его не замечали. Пашу иногда видел, как дед кидает хлеб голубям, и голуби его не боятся. А голуби глупых не любят.

- Здравствуйте, - сказал Пашу.

Дед поднял голову. Глаза у него были мутные. Белые почти. Пашу знал: дед слепой. Совсем. Не видит ни мяч, ни качели, ни даже солнце.

- Здорово, мальчик, - сказал дед хрипло. - Чего хотел?

- У меня есть... друг. Вы можете его увидеть?

Дед хмыкнул.

- Я, парень, даже тебя не вижу. Голос только слышу.

- А так? - Пашу вытащил друга из кармана и осторожно положил в дедову руку.

Дед замер.

Его морщинистые пальцы обхватили бархатный комочек. И вдруг...

- Ох ты ж, - выдохнул дед. - Ох ты ж, батюшки.

По его щеке (по той, что со шрамом) скатилась слеза.

- Тёплый, - сказал дед шёпотом. - И гудит. Как трансформатор на старой подстанции. Я такие в молодости чинил. А внутри... цвет? Я чувствую цвет. Радуга. Настоящая. Бархатная.

- Вы его видите? - изумился Пашу.

- Я, парень, никогда в жизни не видел радуги. Ослеп в два года. Но эту... эту радугу я вижу. Пальцами. Сердцем. А глаза тут ни при чём.

Комок вспыхнул. Ярко-золотым. Счастьем.

- Он говорит спасибо, - тихо сказал Пашу.

- Пусть, - дед осторожно вернул бархатный комок. - Вы, главное, берегите его. Такие не каждому даются. Только тем, у кого глаз не зарос.

Пашу вспомнил мамины слова: «Когда-то был дополнительный орган. Потом зарос».

- А у вас не зарос? - спросил он.

Дед усмехнулся.

- Зарос бы, кабы я на людей смотрел. А я на облака смотрел. На птиц. На голубей. Они не требуют быть как все. Они просто есть. Вот и не зарос.

Пашу спрятал друга в карман. На сердце было тепло. Не так, как от чая. Иначе. Как будто кто-то внутри зажёл маленькую лампочку и сказал: «Я здесь. Я тебя вижу».

Дома мама снова сидела на кухне. Смотрела в окно.

- Мама, - спросил Пашу. - А у тебя глаз зарос?

Мама вздрогнула.

- Какой глаз?

- Лишний. Которым видят то, чего нет. Дед сказал, он не зарос, потому что он на облака смотрел. А ты на что смотрела?

Мама молчала долго. Очень долго. Пашу уже хотел изви-

ниться и уйти в свою комнату.

- Я смотрела на звёзды, - тихо сказала мама. - Очень-очень давно. На одну звезду. Она была... не такая, как все. Она мерцала не по правилам. Я думала, она меня зовёт.

- И что?

- И я ответила. А потом выросла. И забыла, как смотреть. Она повернулась к Паше. В её глазах не было красного. В них было что-то другое. Тоска по тому, что нельзя вернуть, но можно... почти вспомнить.

- Пашу, - сказала мама. - Твой... друг. Он правда есть?

- Правда.

- И он... радужный? Бархатный?

Пашу кивнул.

Мама закрыла глаза. На секунду. Когда открыла, по её щеке текла слеза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.